

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Россия

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Политические науки и философия», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Россия

СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ МИФ О РОССИИ: КОНЦЕПЦИЯ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» КАК ЧАСТЬ ЦИВИЛИЗАТОРСКОГО ДИСКУРСА ЗАПАДА

Аннотация: Работа посвящена изучению отдельных аспектов британского мифа о России, а именно, периода правления И. Сталина. Анализируются произведения, относящиеся к так называемой «сталиниане» – как документально-публицистические, так и художественные. Авторы выделяют «ядра стереотипности», закрепленные как на визуальном, так и на текстовом уровне, характеризующие фигуру лидера страны.

Ключевые слова: русский миф, сталиниана, большой террор, стереотип, британская литература.

Annotation: The paper researches some aspects of the British myth about Russia, namely, the period of I. Stalin's rule. Authors analyze literary works, both documentary, fiction and non-fiction, that shine light onto Stalin's period of history. In the result, the central stereotypes are singled out that are represented visually as well as textually and characterize the figure of the country's leader.

Keywords: Russian myth, Stalin studies, Great Terror, stereotype, British literature.

Больше трех десятилетий прошло с момента распада СССР, тем не менее, в создаваемой иностранцами историко-документальной и художественной литературе о России ничего не меняется, хотя с тех пор значительно изменилась сама Россия. Постигание жителями Туманного Альбиона «загадочной русской души» происходит в тесной взаимосвязи литературы и истории. Восприятие России и русских западным читателем, в частности, британским, более полувека формируется за счет набора стереотипных текстов, которые заставляют авторов-британцев неосознанно «симулировать достоверность». Одним из стереотипных становится «сталинский миф», лежащий в основе текстов так называемой «сталинианы», которая стартует еще в 30-е гг. XX века в форме иллюзорного восприятия Сталина (Б. Шоу, Г. Уэллс), дополняется свидетельствами журналистов-современников эпохи, шокирует прозорливым творчеством Дж. Оруэлла, а на современном этапе представляет собой осмысление личности советского вождя с культурно-цивилизационных позиций историков и писателей (например, Р. Конквеста, С. Монтефиоре, Дж. Барнса).

Тексты британской сталинианы, адресованные прежде всего западному читателю, становятся на Западе безоговорочными бестселлерами, что во многом обусловлено их типизованностью и расчетом на маркетинговый успех.

Современные биографии Сталина (non-fiction) и художественные повествования о человеческих судьбах сталинских времен (biofiction, fiction) в обязательном порядке демонстрируют несколько «ядер стереотипности», которые закреплены как на визуальном, так и на текстовом уровне. Цветосимволика эпохи решается в произведениях в красно-серой гамме, что закрепляется на уровне художественных решений изданий (стандартный серый фон, черно-белое фото эпохи с кроваво-красными надписями либо же наоборот). Однако эта же цветовая гамма доминирует в текстах, обесцвечивая и обезличивая эпоху и пространство одной шестой части суши на карте мира. Например, постмодернистская биография Шостаковича, написанная Джулианом Барнсом, абсолютно монохромна, лишена цвета, что создает эффект

безвременья, безжизненности, не-Бытия, заостряя, выводя на первый план конфликт Творца и Власти, которая персонализирована в фигуре Сталина. Образ России сталинских времен решается посредством простых метафор: уподобление пеплу, из которого не может возродиться феникс, рассказу без сюжета и др. – где главная тема «отсутствие», что так или иначе побуждает читателя стремиться вычеркнуть их исторической памяти этот момент.

Еще одно ядро сталинского мифа связано с персонификацией страха в inferнальных, будто не принадлежащих этому миру образах либо самого Вождя, либо служителей Власти. Сталин – центральная фигура, нависающая над персонажами и страной, наделенный чертами садиста и палача. Часто страх персонифицируется в образах, которые утрачивают гендерную принадлежность, сводятся к безликой функции.

В центре сталинианы чаще всего оказывается «большой террор».

Понятие «большой террор» было введено в обиход британским историком Робертом Конквестом в 1968 году и благодаря ему же получило широкое распространение, превратившись в один из самых заметных терминов современной историографии. Книга «The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties» («Большой террор») в 1990 г. была доработана автором и переиздана под названием «The Great Terror: A Reassessment» («Большой террор: переоценка»). Книга перевернула западное представление о России, о большевизме, о коммунизме – за несколько лет до появления «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Была она и безмерно популярна в СССР, как до Перестройки (хотя доступна только избранным), так и после. В аналитическом обзоре Т. Красавченко приводит массу положительных откликов на произведение, данных англоязычной прессой, демонстрируя, что на Западе произведение действительно было воспринято как откровение. «Большой террор» предстает книгой, повлиявшей на умы и рассеявшей сомнения, демонстрирующей, что террор был сутью советского режима, и при этом не утратившей своей исторической и просветительской ценности даже после открытия архивов в перестроечный и постперестроечный период [1]. Но если в

обзоре Т. Красавченко акцент сделан на разоблачающей силе произведения, то А. Малкович, отмечая его «запас исторической прочности», уделяет особое внимание специфике представления Конквестом личности Сталина. «Из книги недвусмысленно вычитывалась мысль о том, что массовое истребление людей под прикрытием фальшивых лозунгов о построении «светлого коммунистического общества» и борьбы с лицами этому, якобы, препятствовавшими, осуществлялось в стране захватившими власть уголовными элементами» [2] – то есть речь о «практике уголовного режима», во главе которого главный уголовник Сталин, сочетающий в себе глубочайшую посредственность с необычайной силой воли, что и породило монстра [2]. И пусть Конквест не первый написал о сталинских репрессиях, именно он утвердил в западном сознании образ кровавого тирана, жестокого убийцы десятков миллионов людей. А спустя десятилетия заложил крепкий фундамент для двух взаимосвязанных мифов: о геноциде малых народов в СССР («Stalin: Breaker of Nations» (1991), «Сталин: Губитель народов») и о голодоморе («Harvest of Sorrow» (1986), «Жатва скорби: Советская коллективизация и голодомор»). В книге, посвященной голоду на Украине, Конквест прямо обвинил Сталина в том, что тот, руководствуясь личными и политическими побуждениями, стремясь к неограниченной власти, искусственно вызвал голод на селе [1]. Таким образом, документально-историческая проза Роберта Конквеста выступает истоком двух западных сталинских архетипов, которые так или иначе обязательно проявляются в любых художественных/нехудожественных произведениях о сталинской эпохе: 1) Сталин – единственный ответственный за десятки миллионов погубленных жизней, кровавый тиран; 2) Сталин – губитель украинского народа (восприятие голодомора как геноцида).

Именно это устоявшееся сочетание двух компонентов мифа положено в аннотацию к книге Джона Келли «Saving Stalin: Roosevelt, Churchill, Stalin, and the Cost of Allied Victory in Europe» («Удержать Сталина: Рузвельт, Черчилль, Сталин и цена победы союзников в Европе»), опубликованной в октябре 2020 года и претендующей на роль бестселлера. Соратник Рузвельта Гарри Гопкинс

летом 1941 года прибывает в Москву, чтобы определить «спасать ли Сталина – человека, который заморил голодом 4 миллиона украинцев в начале 1930-х, еще миллион уничтожил во время чисток в конце 1930-х, а еще миллион загнал в ГУЛАГ»¹ [6]). Забавно, что число уничтоженных украинцев колеблется от аннотации к аннотации: например, на сайте издательства это уже 6 млн человек («Josef Stalin—the man who had killed over six million Ukrainians during the 1930s—was worth saving»).

Книга, получающая хвалебные отклики критиков и снабженная обширной библиографией на 26 страницах, тем не менее построена на использовании расхожих штампов о России и русских. Строки, открывающие ее, созвучны расхожему шапкозакидательскому анекдоту: «Два или три раза в каждые сто лет кричащее великолепие [красоты пейзажей западной части России] разбивается вдребезги под строевым шагом армии, приближающейся с Запада. Первой 24 июня 1812 года на русскую землю ступила Великая армия Наполеона; 22 августа 1914 года – войска кайзеровской Германии; а 22 июня 1941 года – армия Адольфа Гитлера» [6]. Наверняка, западным сознанием эта череда событий, реализованная в риторическом повторе, не воспринимается с присущей нам иронией.

Тем не менее, книга не только звучит для русского читателя разочаровывающе фальшиво, но и грешит грубейшими фактическими ошибками. Предвоенный Севастополь изображается ночным вертепом: «В Севастополе, который от границы отделяла одна часовая зона, парочки прогуливались по широким бульварам, кабаки и танцплощадки заполнили нахабистые матросы Черноморского Флота: под несмолкающие патриотические песни они то и дело затевали драки и пили на спор, кто кого перепьет; прогуливающиеся парочки скрывались под сенью неосвященных аллей для соития. Стоял типичный летний вечер: но вдруг ночь разрушил гул авиации. «Это наши?» – спросил кто-то и услышал в ответ: «Да опять учения, наверное». Затем раздалась пулеметная очередь, ответив на вопрос» [6].

¹ Здесь и далее перевод с английского – О.М.

Вот так незамысловато разрушается устоявшийся у нас образ нападения фашистской Германии на «мирно спавший город». Не пытаюсь идеализировать, тем не менее приведем для сравнения свидетельство одной из юных жительниц Севастополя того времени: «День накануне войны Валентина Тимофеевна помнит так ясно, как будто он был вчера. В нем было прекрасно все – и выпускной вечер девятиклассников, и совпавшее с ним возвращение с учений военных кораблей. По этому случаю на флоте было объявлено большое увольнение, и весь город наполнился нарядными матросами. <...> В.Т.: «Раньше все матросы ходили в увольнение в белых брюках, и в тот день на улицах было белым-бело. По Нахимова бежит трамвайчик, звенит – пусти меня, пусти меня! А по тротуару в двух направлениях матросы. Вечером все притихло, успокоилось, и вдруг ночью стрельба. Самолеты гудят, зенитки стреляют. Целились, конечно, по кораблям, но некоторые бомбы упали на берег и разрушили жилые дома. Но об этом мы узнали уже утром. А ночью подумали, что продолжают учения...» [3].

Л. Хабибуллина выделяет цивилизаторский или колонизаторский дискурс, акцентирующий культурную дистанцию, как один из основных для создания мифа о России в британской литературе XX в. В рамках этого дискурса проявляется образ русского как дикаря – примитивного и лишенного культуры – демонстрирующего такие черты, как дикость, кровожадность, пьянство, вороватость, трусость, зооморфность [4]. Всеми этими качествами наделены жители предвоенного Севастополя и матросы-черноморцы в рамках одного абзаца: потакающие животным сексуальным инстинктам, пьянствующие и дерущиеся. Пьянство выступает в роли излюбленного стереотипа характера русских, сопутствует «русской теме»: «русское пьянство включается в повседневность «ужасной» российской действительности как необходимый элемент» [5].

Британская проза о Сталине и сталинской эпохе пока не в состоянии преодолеть т.н. «культурно-цивилизационные барьеры» именно за счет высокого уровня стереотипности, на основе которого конструируется нарратив

тоталитарной эпохи.

Библиографический список:

1. Красавченко Т. Поэт и историк: Роберт Конквест (1917 - 2015) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. Реферативный журнал. 2017. №1. С.199-210.

2. Малкович А. Он первым открыл миру правду о Большом терроре // Зарубежье. 2017. №7. – URL: <http://rubezh.eu/Zeitung/2017/07/37.htm> (дата обращения - 12.04.2021).

3. Смирнова О. Настоящий Севастополь. Валентина Сергушкина помнит город до, во время и после войны // ForPost. 26.04.2019. – URL: <https://sevastopol.su/news/nastoyashchiy-sevastopol-valentina-sergushkina-pomnit-gorod-do-vo-vremya-i-posle-voynu> (дата обращения - 12.04.2021).

4. Хабибуллина Л. Специфика стереотипизации образа России в современной английской литературе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. Искусствознание. 2014. №2. С.170-175.

5. Хабибуллина Л. Цивилизаторский дискурс мифа о России в английской литературе 2-й половины XX в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. №3 (79). С.143-150.

6. Kelly J. Saving Stalin: Roosevelt, Churchill, Stalin, and the Cost of Allied Victory in Europe. Hachette Books. 384 p. E-book.